

НОВАЯ ГАЗЕТА

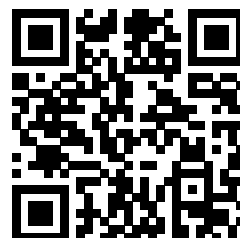
ЭССЕ • КУЛЬТУРА

Эрик

Сполохи памяти. Владимир Сорокин об Эрике Булатове

11:12, 14 ноября 2025,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Эрик Булатов на выставке в Екатеринбурге. Фото: Natache, URA RU / TASS

Март 1975-го.

— Володя, у меня лечится художник Эрик Булатов. Хочешь показать ему свои работы?

Кира Ильинична Лукомская, стоматолог, светлая память.

— Хочу.

И вот я в мастерской на Чистых прудах, два художника в синих тренировочных костюмах смотрят мои сюрреалистические рисунки пером по бумаге. Один — с простым, почти деревенским лицом, Олег Васильев. Другой — чернобородый, с большим высоким лбом и внимательными птичьими глазами. Говорили хорошие слова, отметили подражание Дали. Все — крайне доброжелательно. Это было вечером, тут же стали

приходить гости, смотреть работы самих хозяев мастерской. У Эрика тогда висели «Горизонт», «Добро пожаловать!» и несколько небольших работ — улицы дачного Подмосковья с красным небом. Что это?

— Это поп-арт?

Эрик (*серьезно*):

— Нет, Володя, это не поп-арт

.

Картина Эрика Булатова «Горизонт»

Недавно бурно прошла выставка нонконформистов на ВДНХ в

павильоне «Пчеловодство». Чего там только не висело. Сказал, что понравилось: Целков, Штейнберг и гнездо для высиживания яиц группы «Гнездо».

Эрик:

— Меня приглашали, я отказался.

Сразу было чувство, что в этой мастерской создается что-то важное, что я пока не очень понимаю, но чувствую энергетически. Картины действовали как выстрел в упор. Они притягивали и поражали.

— Заходите, Володя.

И я стал заходить.

Эта мастерская оказалась порталом в московский андеграунд тех времен. Вошел — и ты уже в другом культурном поле. Где другой воздух. Он действовал наркотически: бодрил и опьянял, как озон. Портал вел в другие мастерские, всплывали другие имена. И не только художников. Всеволод Некрасов, Дмитрий Пригов, Сергей Шаблавин, Борис Орлов, Владислав Лебедев, «Коллективные действия». С великим Кабаковым я близко познакомился попозже.

Эрик — симбиоз острого, очень умного, рационально-проницательного взгляда с мальчишеской непосредственностью, детской трогательностью.

— Володя, война в 41-м началась из-за того, что я накануне в ресторане на ВДНХ капризничал и отказался есть бефстроганов, который мне заказал отец. Он был

огорчен. Я был уверен, что все эти роковые события — из-за моего каприза. Отец погиб на войне. С тех пор в ресторане всегда заказываю бефстроганов, если он, конечно, есть! *(Детский смех.)*

— Поп-арт признает единственную реальность — социальную. И работает только с ней. Реклама — ее знак. Поп-арт — это плоскость. У меня в картинах борются две реальности — идеологическая, плоская, и пространственная, в которой мы живем. Меня интересует граница столкновения идеологии и пространства. Которое не есть расстояние.

Картина Булатова «Лувр. Джоконда»

— В пятьдесят восьмом у нас в Суриковском я возглавил бунт против навязанных нам педагогов-сталинистов, за возвращение изгнанных, например, Дейнеки. Было собрание. Я выступил один раз мягко, а в конце разошелся, сказал жестко: не будем ходить на занятия к этим, если они не уйдут. И Вася Ситников, художник, который работал там лаборантом, подбежал ко мне:

— Держись, у меня на чердаке пулемет стоит!

Вася был не от мира сего. Комнатушка его кишела клопами; чтобы не кусали, он спал в чулках на руках и голове. Пришел милиционер, он ему открыл в таком виде, тот глянул и упал в обморок. После этого собрания я впервые столкнулся с КГБ. Они меня запугивали, что выгонят из Суриковского, выселят из Москвы, мужчина и женщина. А потом сказали, как бы между собой с улыбочками:

— Ну что, отпустим его пока?

Я был ленинский стипендиат, учился отлично. Все обошлось. Но тогда стало страшно. Почувствовал энергию этой адской машины.

— После выставки американского искусства в Москве, на последнем курсе, стал рисовать дома что-то для себя.

Приходил после учебы, ставил холст на подрамник, пластинку Шостаковича, папиросу в зубы — и на второй папиросе что-то начинало получаться. Шостакович тогда был очень важен для меня, казалось, он выразил то, к чему я в картинах только нащупываю путь.

Картина Булатова «Русский XX век» на выставке «Живу-вижу» в Москве

— Русская живопись XIX века не получилось. Главная картина — «Явление Христа народу» А. Иванова не удалась, пространство ее осталось закрытым.

Сполох: Эрик в конце рабочего дня в своем синем тренировочном счищает мастихином с палитры краску, опускается на корточки и заполняет краской щель в дощатом полу, продолжая мне что-то рассказывать о свете и пространстве.

В нем никогда не было позы и менторского высокомерия. Только живой интерес ко всему.

Но жесткость могла возникнуть. Когда один оччччень интеллектуальный богослов, глядя на его «Горизонт», сказал, что эта композиция — просто зло, Эрик ответил: «А мне кажется, что вы просто дурак».

В мастерской. Фото Алексея Костромина

Сполох: Эрик с Олегом Васильевым сидят на табуретках, рвут клещами сухой рыбий клей и кидают куски в таз, чтобы потом приготовить грунт для холстов. В Париже Игорь Шелковский стал тогда выпускать журнал русского неофициального искусства «А-Я».

Эрик:

— Там статья про Йозефа Бойса. Интересный художник.

Олег:

— Бойс? Не знаю. Гройса знаю.

Писал он медленно, картины приплывали неторопливо, подобно китам: «ОПАСНО!», «СЛАВА КПСС», «Иду!» на фоне бездонного неба, лыжник, прорвавшийся сквозь красную

решетку, НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ! на фоне пейзажа, как из окна электрички.

С 1978-го на вечерних разговорах за чаем в мастерской стала присутствовать Наташа — красивая женщина с густыми рыжими волосами и мягкой улыбкой. Она всегда улыбалась, что было редкостью для советского человека. Мне всегда казалось, что она очень счастливый человек. Вскоре возникла Наташа и на большом полотне в желтой куртке, радужном вязаном шарфе на фоне безжизненного зимнего ландшафта с полузанесенным памятником Ленину.

В 1979-м я дал почитать Эрику свой рассказ «Заплыв», где в некоей тоталитарной стране существуют спецвойска профессиональных пловцов, плывущих с факелами в реке столицы и составляющие таким образом цитаты из канонических книг.

— Володя, рассказ очень хороший.

Так все и началось. Сюрреалистическая графика была заброшена. Я стал писать прозу и давать читать свои рассказы Эрику и его коллегам по андеграунду.

С начала восьмидесятых в его картинах плоские лозунги уступили место чисто живописным пространствам, уже без букв: Брежнев на фоне герба СССР и Брежнев в Крыму, сюжет, заимствованный из известной советской картины со Сталиным «Утро нашей Родины». Если первый Брежнев стилистически еще напоминал советский плакат, то второй был уже чистым сгустком тоталитарной энергии, мрачной игрой светотеней в рассветном крымском воздухе.

— Чистая майя! — сказал о картине Д.А. Пригов.

«Брежнев в Крыму»

Портрет Всеволода Некрасова тоже завораживал своей прозрачностью, словно составленный из световых лучей, которые через секунду расфокусируются

— и все исчезнет, останется только небо. С небом и облаками у Эрика были особые отношения.

После женитьбы на Наташе он стал лучше одеваться, раньше, судя по всему, мало обращал внимание на свою одежду. Помню в 1982-м, когда мы с Ирой переехали в новую квартиру в Ясенево на краю Москвы, они приехали к нам в гости в красивых светлых плащах. Вообще, в нашем круге это была

красивая пара.

Советский мир Эрик не любил, жил всегда во внутреннем противостоянии ему. Но это была не обычная для тех лет шестидесятническая диссидентская полемика с властью, речь шла об онтологическом противостоянии. И не только с режимом и идеологией. Не терпел советской фамильярности, хамства, пьянства, невежества и отсутствия дистанции.

— Вот представьте, Володя, еду на дачу, стою на платформе, жду поезда. Подходит мужик и становится прямо передо мной, прямо перед лицом! Где такое может еще быть, как не у нас?

С небом и облаками у Эрика были особые отношения...

Две большие сверхновые звезды сияли тогда в центре московского андеграунда — Булатов и Кабаков. Вокруг каждой из них вращались планеты, притянутые их гравитацией. Она усиливалась, планет становилось больше. Свет этих сверхновых проникал все дальше и уже прожигал ржавый позднесоветский железный занавес.

Сверхновые были разные по цвету. Для меня постепенно обозначились границы эстетики Булатова, его табу. 1982-й. Роман «Очередь», написанный диалогами. Это был роман о спасении героя женщиной, ее телом, домашним комфортом, спасении от жуткой очереди, от беспощадного социального пространства.

Эрик заговорил о постельной сцене, которая, впрочем, была описана только фразами, возгласами и стонами. Сцена ему не понравилась.

— Я понимаю, Володя, что вы в своих текстах должны провести читателя и через *неприятное*.

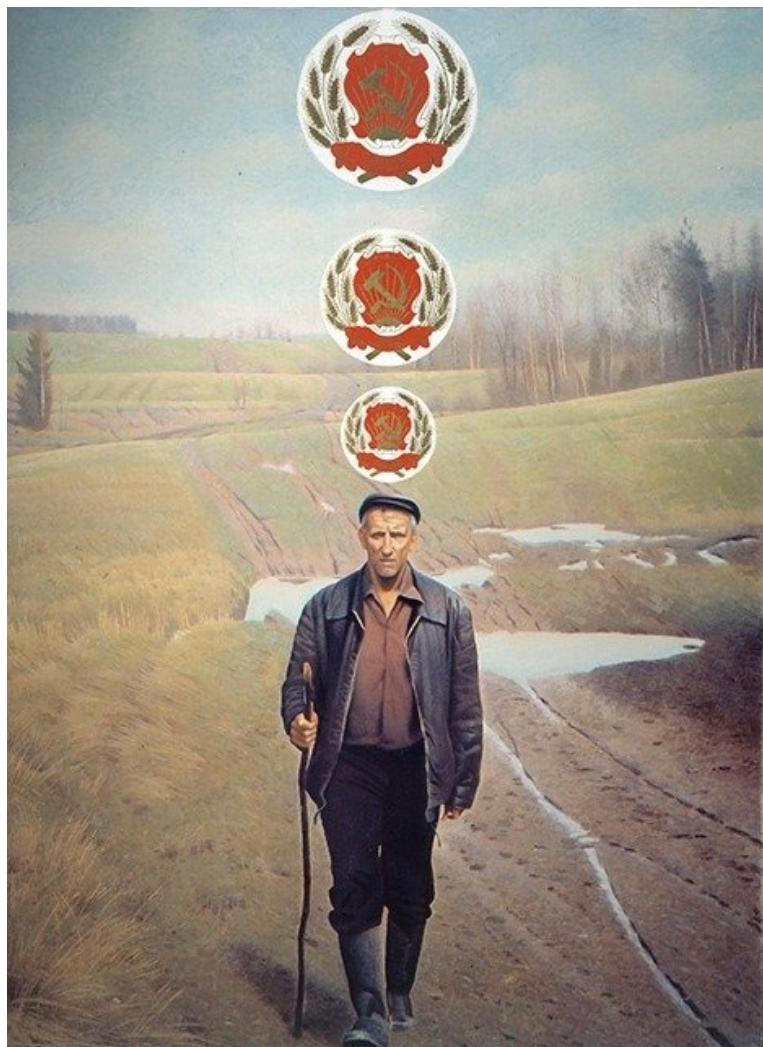
Неприятное? Секс для него был неприятен? Не секс как таковой, а его описание.

Вообще, круг московских концептуалистов был равнодушен к сексу. У старшего поколения этой темы касались только рано уехавшие Комар и Меламид. Почему так? Я долго не мог понять этого, пока Виктор Пивоваров не объяснил:

— Володя, эта область у нас считалась низкой, чтобы впускать ее в искусство.

То есть — телесный низ был низким жанром, как и в XIX веке.

Тогда в России только «Серебряный век» снял это табу. И потом оно опять вернулось в советский андеграунд?

Эрик Булатов. «Странник»

Гром грянул над моей головой в том же году. Я написал довольно жесткий рассказ «Санькина любовь», где идиллия деревенской ночи кончалась некрофилией, и дал почитать Севе Некрасову. Тот ответил мне большим гневным письмом, которое передал через Эрика вместе с рассказом.

— Володя, письмо плохое, но ваш рассказ — чистый мажор. Не интересно такое читать.

С Севой после этого мы видеться перестали, хотя раньше замечательно дружили.

Написанная в следующем году «Тридцатая любовь Марины»

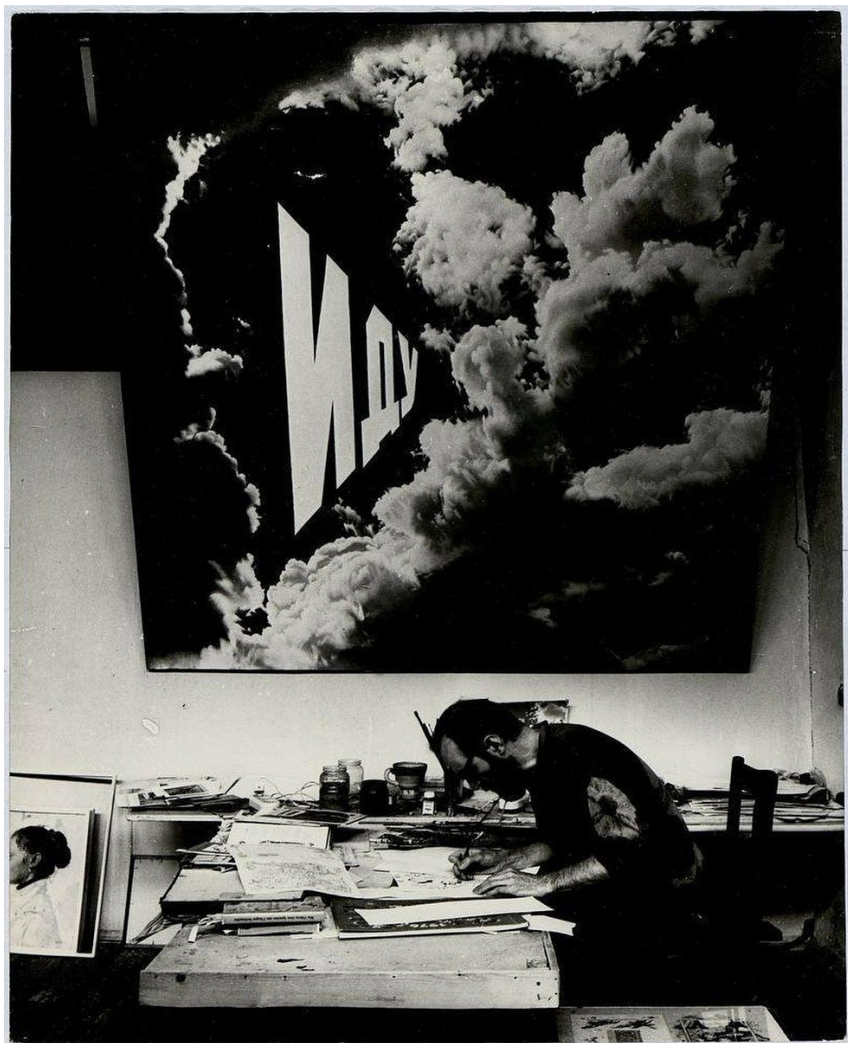
тоже одобрения у Эрика не вызвала. Пришло время покидать орбиту и двигаться дальше, самому. За эти годы из метеоритного обломка я превратился уже в небольшую, но вполне себе планету со своей атмосферой и со своим литературным ландшафтом. Планета послала звезде долгий благодарный импульс, сошла с орбиты и поплыла дальше, к новым галактикам.

Сполох: Мюнхен, начало 90-х, мы с Эриком и Наташей встретились на выставке, там были работы, написанные Эриком уже на Западе. Была поздняя осень, и мы все трое оказались одетыми в белые плащи. Я вспомнил их визит к нам в Ясенево десять лет назад, хотел было об этом напомнить, мол, вот вы, как тогда, в белых плащах. Но вдруг поймал себя на мысли, что это уже совсем другие плащи.

Мы снялись на память — трое в белом.

Сверхновая звезда Булатов взорвалась 9 ноября 2025 года, выбросив в наш культурный космос мощный поток лучей. И он не погаснет никогда. Лучи плывут, сияют, высвечивая новые планеты, новые страны, города, новых людей и новые облака на новых небесах, оживляя собою новое пространство. Которое, как уже всем нам известно, не есть расстояние.

Владимир Сорокин

Булатов в своей мастерской